

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Юрий ЛЕВАДА

Сегодняшний выбор: уровни и рамки

Катаклизмы последнего времени вынуждают рассматривать ближнюю и более отдаленную перспективы, а задним числом и "обратную" перспективу в плане возможного или утраченного *выбора* ориентиров и средств их достижения. Как обычно, по крайней мере для отечественной истории, взаимосвязанными оказываются проблемы выбора разных масштабов — от персонально-политического и электорального до исторического. Экстраординарная острота нынешней проблемной ситуации в значительной мере обусловлена исчерпанием всего спектра социальных, в том числе социально-психологических, политических, моральных, персональных и пр., вплоть до "галлюциногенных"... ресурсов, которые определяли параметры российских перемен за два десятилетия. В такой ситуации само обсуждение проблемы выбора все явственнее выступает уже не как увлеченный поиск *"входа"* на какой-то спасительный (иллюзорно-спасительный) путь, а как отчаянный поиск возможного *выхода* из очередного (и отнюдь не иллюзорного) тупика.

Непременным компонентом публичной дискуссии с разных сторон служат сейчас апелляции к состоянию общественного мнения, в том числе представленному в опросных и т.п. данных. Возникает и понятный социальный запрос к исследователям на оценку более или менее приемлемых альтернатив, а также, естественно, уместности и адекватности использования самого инструментария анализа, как эмпирического, так и методологического.

Соблазн "переходности". Осевая парадигма последнего 20-летия, питательный бульон набора разочарований-утешений, — представление о том, что страна быстрее или медленнее, с большими или меньшими потерями движется к некоторому наперед заданному состоянию (к "рынку", к "демократии", к модернизации, к "Европе", к "глобализации" и т.п.; знак оценки

таких перемен в данном случае не рассматривается) — метафора, но столь привычно укорененная, что трудно поддается содержательному анализу. Принципиальная дефективность такого представления состоит в том, что конечный "результат" движения как бы заранее определен, а достичь его можно разными усилиями, с разных сторон, при различных соотношениях добровольного и принудительного выбора. Традиционные для отечественной социальной мифологии с позапрошлого века (генетически связанные с установкой на "догоняющее" развитие) образы неумолимо идущего "поезда" и "мостика" по дороге к непременно светлому будущему вполне укладываются в эту парадигматику. Все ее варианты прямо или косвенно редуцируются к злополучной формуле цели, оправдывающей средства. Но в предельных (социетальных) масштабах действует прямо противоположная связь событий: средства ("затраты") определяют *реальные* результаты. Перенестись в некое "завтра" удастся только в сладких снах и фантастических романах, в действительности каждое будущее состояние строится из сегодняшних ресурсов, усилий, жертв, устремлений и ожиданий. И уже как бы в соответствии с канонами классической политэкономии уплаченная социальная, моральная и пр. "цена" неизбежно переносится на полученный "продукт".

...Кстати, те же замечания вполне относятся и к представлениям о "возврате" к некоторой точке прошлого. По оси социального времени нельзя перемещаться ни вперед, ни назад, но порой удастся в какой-то форме воспроизвести, реконструировать, имитировать институты и нравы прошлых времен, тем более, что существенные их компоненты сохраняют влияние и после разрушения своей основы. Поэтому оценка реальных или утраченных возможностей социально-исторического выбора не может напо-

минать путевую карту — это лишь попытка представить значение определенных позиций или "полей" в условиях бездорожья.

Эти достаточно банальные соображения практически преломляются в ситуациях наших переломов и потрясений последнего (и не только последнего) времени, когда за развалом отживших структур следует не столько формирование более эффективных и современных социальных институтов, сколько образование тупиков, химер, опасных новообразований "старого" образца и т.п. феноменов. Поэтому исследовательским императивом становится необходимость разностороннего анализа рамок и критериев наблюдаемых социальных трансформаций.

"Постклассический" фон. Строительство социально-исторических тупиков нельзя считать сугубо отечественной привилегией или проклятием, просто они более заметны в рамках собственного опыта, хотя присутствуют в мировом опыте, особенно же в "третьем мире". Все варианты происходящего в России разворачиваются на фоне и в рамках современных мировых процессов, которые утратили свою "классическую" определенность. Прошло время, когда казалось достаточным представлять перемены глобального масштаба с помощью универсальных дихотомий типа "прогресс—реакция", "модернизация—традиция", "капитализм—социализм", "Восток—Запад", "глобализм—изоляция", "диктатура—демократия", "свобода—несвобода" и т.д. Содержательность подобных оппозиций утрачивает свою однозначность.

Ни один уголок в мире, ни одна сфера человеческой жизни не остаются сегодня вне влияния промышленного, интеллектуального, научно-технического, постиндустриального прогресса. И нигде его результаты не являются однозначно-позитивными. Подобно тому, как каждый успех научного знания приводит к новым проблемам и загадкам, так и каждый практический успех человечества порождает новые проблемы и напряженности в социальной, экологической, политической, моральной, межкультурной и пр. областях отношений. Экономический, технологический, промышленный детерминизм, питавший прогрессистскую мысль с начала XIX в., утратил свои универсальные претензии.

Аналогичным образом подверглось практической переоценке противопоставление "традиционных" и "модернизированных" цивилизаций, которое имело смысл в периоды колониальной ("цивилизационной") экспансии, а потом ее

преодоления, т.е. примерно с середины XIX до середины XX вв. В нынешних напряженных — до террористического безумия — отношениях "межмирового" порядка, т.е. преимущественно между бывшими "первым" и "третьим" мирами, "западной" цивилизации противостоят не традиционалистские социальные структуры, а тот феномен, который С.Хантингтон называет "незападной модернизацией"¹.

Речь идет, по сути дела, о ситуациях, когда плоды процессов модернизации, не только технические, но и организационные, социально-технологические, идеологические, становятся деструктивной силой в зонах межгосударственных, межкультурных, внутригражданских разломов, где теряют силу традиционные регулятивы массового поведения. В этом плане можно обнаружить принципиальное родство сегодняшних атак на центры западной цивилизации, совершаемых под флагом воинственного ислама, и "антизападных" переворотов, потрясавших XX в. под иными идеологическими флагами в России, Италии, Германии и др. Историческую их базу составили побочные течения и продукты процессов массовизации и модернизации, повернутые против их мейнстрима.

Противостояние *"двух мировых систем"* в 50–80-х годах прошлого века было преимущественно идеологическим фантомом, прикрывавшим попытку военно-политического вызова сложившимся ("капиталистическим") формам модернизации со стороны ее маргинального варианта. Никакой связи с социальными конфликтами (между "трудом" и "капиталом") в развитых странах, а значит, и никакой "классовой" подоплеки эта конфронтация не имела. Попытки привлечь на сторону советского блока деколонизируемые страны оказались безуспешными. Создать "социалистическую цивилизацию", которая явилась бы действенной альтернативой существующих тенденций мирового развития, не удалось. Вынужденный отказ от военно-политических вызовов остальному миру лишил политическую верхушку России всяких оснований представлять себя значимым "полюсом" мирового сообщества. Никакой реальной "глобальной", "геополитической", "всемирно-исторической" и т.п. катастрофы не произошло в результате крушения советского режима и его амбиций. Катастрофа задела лишь иллюзорный

¹ Huntington S.P. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. N.Y.: A Touchstone Book, 1997.

мир социальной мифологии, создававшийся, впрочем, отчасти с двух сторон¹.

Проблемы и противоречия, придающие глобально-прогрессивным тенденциям характер болезненных катаклизмов, не исчезли, а скорее обострились и выступили на передний план после "самоустранения" со сцены одного из державных колоссов. Сейчас уже трудно принять всерьез эмоциональную формулу "конец истории", брошенную Ф.Фукуямой в горячке "околоперестроечных" переживаний². Устранение *фантома* мирового противостояния и тоже иллюзорной опасности глобализации советски-тоталитарной модели вынуждает более трезво и детально разбираться в неоднозначности плодов реально происходящих в различных компонентах современного мира перемен региональных и мировых масштабов. В частности, приходится признавать, что либерализм утверждается в мире не как достигнутое состояние, а только как некая более или менее общезначимая тенденция, как признанный, но не единственный ориентир. (Переосмысление упомянутой выше фантомной дихотомии лишает смысла оценочные его определения — "западный", "буржуазный" и т.п.) Притом как тенденция, которая может утвердаться, лишь постоянно трансформируясь. Индустриальное общество в XIX в. как бы "научилось" быть *либеральным*, т.е. вынуждено было принять гражданские права и свободы как условие современного экономического роста, в XX в. ему пришлось стать еще и *социальным*, т.е. признанным компонентом развития стало обеспечение достойного качества жизни и социальной защищенности для большинства населения, а в XXI в., по всей видимости, приходится стать *глобальным*: чтобы выжить, необходимо найти способы включить в свою орбиту все регионы и типы мирового развития. В поиске эффективных решений этой проблемы жизненно заинтересованы как "классические" центры современной модернизации ("развитые" регионы), так и вся обширная ее периферия (догоняющие, маргинальные, локальные, вторичные и пр. "неклассические" варианты развития; понятно, что в этом ряду Россия занимает заметное место).

¹ По недавнему утверждению И.Уоллерстайна, известного историка, испытавшего определенное влияние западных трактовок марксизма, "коллапс Советского Союза стал геополитическим бедствием для США", поскольку "с уходом коммунизма господствующие мировые элиты потеряли возможность контроля над трудящимися массами" (<www.polit.ru>. 2005. Sept.16).

² Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: The Free Press, 1992.

Дифференциация вариантов траекторий регионов, относившихся условно к "третьему миру" (нефтяное процветание эмиратов, экономические прыжки азиатских "драконов", политическая модернизация "латиносков", Индии и пр. при глухих тупиках тропической Африки и радикальных режимов, очевидно также, что общества, причислявшиеся недавно к "соцлагерю", испытывают разнонаправленные импульсы), покончила со стереотипами противопоставления "Запада" и "Востока", в ином повороте — "Севера" и "Юга". Прорывы к современности при всех их издержках оказываются принципиально возможными в странах и регионах с различными историческими, культурными, религиозными корнями. И вместе с тем принципиально неоднозначными (социально, морально, экологически, психологически) даже в регионах, как будто наиболее созревших для эффективного развития.

Изоляционистские, "антиглобалистские" лозунги и движения, заметные в последние годы, кстати, видимо, вдохновляющие отечественных сторонников "самобытности" как из властных структур, так и из популистской оппозиции, из ярых противников "засилья мигрантов" и т.п., — маргинальная реакция на противоречивую по последствиям, но все более значимую взаимосвязанность регионов и экономик, а также неизбежные процессы трансрегиональных перемещений населения.

Преодоление идеологического фантома "дуалистической" модели мира приводит не к "унитарной" или "однополюсной", т.е. устремленной к той же унитарности, его модели, а к представлению о все более взаимозависимом и все более *разнообразном мире*. Это значит, что для определения "своего" (своей страны, региона, позиции) места непригодна простейшая "одномерная" система координат. Недостаточно указать точку на линии или одно из полей на условной игровой доске, приходится принимать во внимание координаты рассматриваемого явления в "многомерном" пространстве, т.е. через ряд параметров, например, таких, как уровень и тип развития, источники роста, характеристики экономического механизма и его ресурсов, в том числе интеллектуальных, запросов, характер социальной организованности, нормативно-ценностных механизмов, государственных институтов, морального и национального самосознания и т.д. Вне контекста даже такие привычно используемые показатели, как соотношение форм собственности, развитие рыночных механизмов, функции политического плюрализма и пр. утрачивают значение. Вопрос о том, какие из

подобных индикаторов могут быть достаточно эффективными при решении определенных аналитических задач, конечно, требует особого рассмотрения.

Российские координаты. В исследованиях общественного мнения довольно регулярно отслеживаются суждения о желаемом или возможном пути дальнейшего развития страны, ее общественного и государственного устройства. Варианты реакции, заданные соответствующими размежеваниями социально-политических позиций, сводятся к противопоставлению "общего" и "своего особого" путей; идеал возвращения к собственному прошлому — разновидность второй из этих позиций.

Так, в июне 2005 г. 66 против 21% опрошенных считали, что демократия нашей стране нужна, 24% предпочли бы видеть демократию по "западному" образцу, 16% — по советскому, 45% — "свою, особую". Очевидно, что доминирующее представление вполне соответствует сегодняшним официально принятым установкам (табл. 1).

"Спецификой" отечественной демократии чаще всего (примерно для трети опрошенных) представляется сосредоточение власти в руках президента, возможность продления его полномочий, государственный контроль за экономикой и СМИ.

Можно отметить несколько факторов, способствующих тому, что "изолирующий" патриотизм не только явился универсально распространенным, но и стал исполнять функции "эрзац-идеологии" в прагматичной, постидеологической обстановке.

Установка на противопоставление "свой"—"чужой" исторически закреплена в наиболее древних и примитивных структурах массового сознания и способна сохраняться в различных условиях и в различных идеологических, политических, даже сакрализованных облачениях. Если в советский период настойчивое противопоставление чужим образцам и влияниям собственных порядков провозглашалось предпосылкой грядущей всемирной экспансии последних, то сейчас как на политическом, так и на массовом уровнях заметно лишь стремление самоизолироваться от универсальных образцов. Произошедший где-то в 30-х годах XX в. с утверждением прагматического сталинизма переход от показного революционного интернационализма к державному патриотизму и национал-шовинизму оказался поэтому достаточно простым и эффективным, как и переход от государственно-идеологических приемов их легитимации к прагматически-чиновничьим. Характерные для зари перестройки апелляции к общечеловеческим ценностям, строительству "общеευропейского дома" и т.п. легко уступили место стереотипам нового противостояния, привычного для значительной части населения, удобного для правящей элиты, поскольку не требуется перемен в устоявшихся механизмах, приемах, кадровых структурах, вполне соответствующего уровню нынешних политических и экономических связей страны с остальным миром. Во всех случаях преобладающим оказывался не самый эффективный или перспективный, а наиболее примитивный, требующий минимальных усилий как "сверху", так и "снизу" вариант выбора — для властной иерархии он иногда представляется

Таблица 1

КАКАЯ ДЕМОКРАТИЯ НУЖНА РОССИИ? (в % от числа опрошенных в каждой группе; июнь 2005 г., N=1600 человек)

А) группы по возрасту

Вариант ответа	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше
Как в развитых странах Европы, Америки	36	29	22	16
Как была в Советском Союзе	9	9	14	29
Совершенно особая, соответствующая традициям и специфике России	48	50	46	39

Б) партийные электораты

Вариант ответа	КПРФ	"Единая Россия"	СПС	"Яблоко"	ЛДПР	"Родина"
Как в развитых странах Европы, Америки	8	34	61	37	21	20
Как была в Советском Союзе	36	10	0	0	15	23
Совершенно особая, соответствующая традициям и специфике России	33	46	28	50	46	49

наиболее эффективным. Ссылки на "особое" положение или предназначение России в сочетании с грузом неподъемных амбиций на деле прикрывают неспособность и нежелание найти выход из глухого тупика, в котором оказалась страна. И попытки избавиться от болезненного комплекса "имперской" неполноценности, оправдывая реально занимаемую ею сегодня маргинальную позицию в "обозе" мирового развития (в роли "топливозаправщика"), на каком-то 100 с лишним месте по шкалам экономических и гражданских свобод, состоянию человеческого потенциала и пр.

Поскольку экономическая или коммуникативная изоляция страны по традиционным образцам просто нереальна (хотя бы из-за экспортных источников доходов), усилия власти и согласных с ней фракций общественного мнения направлены на то, чтобы обеспечить себе положение некой политической резервации в современном мире, т.е. чего-то среднего между мировыми координатами Кувейта и Китая, которых в цивилизованном мире принимают, не ожидая от них установления либеральных порядков и соблюдения прав человека, т.е. как заведомо чужих, как пришельцев из прошлого. Сомнительно, чтобы выбор подобной позиции оказался для России прочным и перспективным. Постоянно декларируемое у нас на официальном и на массовом уровнях стремление укреплять связи с миром, входить в структуры мирового сообщества нуждается в проверке по шкале исторического времени: существенно, в каком качестве (используя известный образ, при "каком тысячелетии на дворе") может страна оказаться в глобальной сети взаимосвязей.

"Левые" лозунги и критерии. Вспышка массовых протестов, вызванных скандальной "монетизацией" льгот в начале 2005 г., привлекла общественное внимание к постановке извечных и болезненных социальных проблем экономического роста. В соответствии со сложившимся в отечественной политике разделением функций демонстративное обращение к этой проблематике используется прежде всего силами социально- или патриотически-популистской направленности, представляющих себя "левыми", в политической риторике и публицистике внимание к социальным нуждам людей связывается с этими силами или с малозаметными в России организациями социал-демократической ориентации. Такое мнение присутствует и в яркой статье М.Ходорковского¹.

¹ Левый поворот // Ведомости. 2005. 1 авг.

В некоторых комментариях прессы недавние социальные инициативы президента трактовались как "левая" тенденция в государственной политике.

Между тем постановка социальных проблем далеко не всегда как-то связана с действиями "левых", особенно в отечественных условиях. Политический спектр с противопоставлением "правых" и "левых" был характерен для европейских парламентских учреждений XIX — начала XX вв., сейчас он во многом трансформировался. Применимость же соответствующих категорий для российской политической системы весьма сомнительна. При этом практически нигде не прослеживается прямой связи между действиями политически левых и социальными программами. В Германии, Англии, Франции социальная политика формировалась скорее центристскими и консервативными политическими течениями¹. Тем более это очевидно в отношении США, где политически организованных левых практически не слышно, а масштабные программы социальной помощи, например, адресованной бедным и больным, разрабатывались консервативными администрациями.

Принципиально такая ситуация объясняется тем, что левые политики, особенно радикальные левые, стремились, по крайней мере на словах, не к совершенствованию существующей общественной системы, а к ее низвержению, в то время как центристы и консерваторы были заинтересованы в жизнестойкости этой системы, ослаблении социальной напряженности. Истоки социал-реформистских политических моделей часто усматривают в либеральной социальной философии².

Наиболее значимой представляется сугубо практическая взаимозависимость этих, некогда противостоявших друг другу течений. Современному развитому индустриальному (и постиндустриальному) обществу требуются социально защищенные и адаптированные работники, что и выражается в социальной политике, обширных социальных акциях и программах. Современная индустриальная система нуждается в реформистских, "неразрушающих" способах постановки и решения своих социальных проблем. Вместе с тем реформистская социал-демократия может быть успешной только в рамках политического и экономического либерализма. Как известно, при всех вариантах взаимной полити-

¹ См.: Мартин Э. Социальное обеспечение в Великобритании и Франции // Свободная мысль XXI. 2005. № 8.

² См.: Канто-Спербер М. Философия либерализма // Неприкосновенный запас. 2004. № 6.

ческой конкуренции либерализм и социал-демократия в Европе эффективно дополняют друг друга, а в американских моделях политического устройства как бы делегируют свои конфликтные и согласительные функции триаде: власть—бизнес—профсоюзы. Видимые на российской политической сцене, в том числе и в демократическом ее сегменте, шумные столкновения "либеральных" и "социал-демократических" установок (скорее как лозунгов и ярлыков) показывают, сколь далека пока эта сцена от современных образцов, насколько увязла она в незавершенном — для нас — XIX в.

На российском политическом поле, разделенном между крайними противниками, практически никогда не было места для социально-реформаторских сил. Известно, с каким презрением относились отечественные радикальные социалисты (не только большевики) к борьбе "за копейку", т.е. за повышение оплаты труда. Почвы для социально-реформаторских течений не было ни до 1917 г., ни после 1991 г.: все группы, называвшие себя социал-демократическими в последние годы, вместе взятые, не набирали и 1% общественной поддержки. Нынешняя КПРФ фактически наследует не левые политические течения, а организацию старой правящей номенклатуры. Профсоюзы не были в советское время и не смогли стать сейчас реальной социальной силой. Ответственность за социальную политику и за ее провалы по-прежнему целиком лежит на власти. Стремясь уменьшить базу поддержки компартии, партия власти заимствует ее лозунги, но никак не становится "левой".

Пока такая ситуация сохраняется, трудно представить появление на политической сцене какой-то особой реформаторской силы, которая выступала бы инициатором социальной политики.

В последнее время общественное внимание привлекли выступающие под эпатажно-левыми лозунгами молодежные группы (НБП, АКМ, РВС и др.), не имеющие отношения к социальному реформаторству. В известной мере, имитируя европейских гошистов 60-х годов прошлого века, они формируют некоторую обочину социальных процессов.

Согласно одному из недавних (август 2005 г., N=1600 человек) опросов, 26% высказались за приход к власти "левых" (социалистов, социал-демократов, коммунистов, — оговорки относительно условности отнесения этих течений к "левым" высказаны выше), возразили против этого 47%. Из сторонников КПРФ такой вариант одобрили бы 67%, "Родины" — 49, ЛДПР — 25, "Яблока" — 22%.

Уроки несостоявшегося референдума. В июне 2005 г. в ходе одного из всероссийских исследований выяснялось отношение населения к вопросам, предлагавшимся КПРФ для референдума (несостоявшегося, поскольку ЦИК счел их не соответствующим законодательству) (табл. 2).

Очевидно, что руководство коммунистической партии, стремясь получить массовую поддержку представленных позиций (что, как видно по опросу, было вполне возможным), преследовало свои политические цели. Другая проблема — реальное значение тех лозунгов, которые готовы поддержать заметное большинство российских граждан. Предложения об увеличении оплаты труда, базовых пенсий и т.д., с которыми большинство населения просто не может не согласиться, никак не связаны с "левым" политическим курсом.

Российское общественное мнение вряд ли допускает использование критериев "лево-право" политического спектра. Постоянно заметные в нем симпатии к "социально ориентированным реформам", усилению государственного контроля за распределением (ценами) и даже за СМИ, как и требования вернуть в государственную собственность, т.е. под контроль правящей бюрократии, недра, трубопроводы, ЛЭП и пр. — признаки ностальгии по советскому псевдопопулистскому патернализму, а не "левого" уклона, притом действующей преимущественно на декларативном уровне. Действительно же, с начала бурных 1990-х годов людям недостает и ныне серьезной, обоснованной, рассчитанной на перспективу социальной политики. Если эти симпатии и влияют на социально-экономические решения власти, то скорее довольно мало и опосредствованно, через расчеты и амбиции окол властных групп влияния. Официальные инстанции, в том числе ЦИК, не допустили проведения предлагавшегося референдума не из-за своих "правых" склонностей, а просто не желая давать "левой" оппозиции козыри массовой поддержки, в какой-то мере еще и учитывая ограниченность подлежащих переделу бюджетных ресурсов. Никакие подарки и подачки населению, которые во все времена делают или обещают любые власти ради укрепления собственных позиций (образец для сегодняшних предложений в этом духе — приемы В.Жириновского, швыряющего пачки денег в толпу) не связаны с каким-либо курсом или идеологией. А радикально-"левого" передела власти и собственности никто всерьез не предлагает, "левая" оппозиция опасается его не меньше власти. Это наводит на мысль о том, что перед нами не выбор

Таблица 2

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С ВЫСКАЗЫВАНИЯМИ, ПРИВЕДЕННЫМИ В ТАБЛИЦЕ (в %, июнь 2005 г., N=1000 человек)

Суждение	Согласны*	Не согласны**	Не знают, затруднились ответить
1. Минимальный уровень оплаты труда должен быть установлен на уровне не ниже прожиточного минимума	90	9	1
2. Размер базовой части пенсии по старости должен быть установлен на уровне не ниже прожиточного минимума	93	5	2
3. Закон о замене льгот денежными компенсациями должен быть заменен; законом должно быть установлено право гражданина на выбор между льготами и денежными компенсациями	79	10	11
4. Размер оплаты жилья и коммунальных услуг в сумме не должен превышать 10% от совокупного дохода совместно проживающих членов семьи	92	4	4
5. Необходимо отменить положения нового Жилищного кодекса, ухудшающие условия реализации конституционного права на жилище	78	6	16
6. Государство должно восстановить дореформенные сбережения граждан	91	4	5
7. Необходимо обеспечить право на общедоступное и бесплатное дошкольное, среднее, профессиональное и высшее образование	97	2	1
8. Необходимо сохранить отсрочки от призыва на военную службу, действовавшие на 1 января 2005 г.	74	12	14
9. Недр, леса, водные и другие природные ресурсы, электростанции, предприятия ВПК, железные дороги, высоковольтные ЛЭП и магистральные трубопроводы должны находиться исключительно в государственной собственности	91	5	4
10. Необходимо восстановить государственную собственность на землю, кроме подсобных хозяйств, приусадебных, дачных, садово-огородных и гаражных участков	83	10	7
11. Необходимо установить повышенный налог на личные доходы, превышающие десятикратный прожиточный минимум	58	29	13
12. Необходимо принять законы, устанавливающие нормы ответственности, вплоть до отставки президента, правительства и губернаторов за снижение уровня жизни населения	87	5	8
13. Необходимо принять законы, предусматривающие право избирателей на отзыв депутатов, избираемых руководителей органов исполнительной власти всех уровней и президента	85	5	10
14. Руководители областей, краев и республик Российской Федерации должны избираться непосредственно гражданами этих субъектов федерации	81	9	10
15. Не менее половины депутатов Государственной Думы должны избираться по одномандатным округам	61	38	1
16. Каждая политическая партия, представленная самостоятельной фракцией в Государственной Думе, должна иметь право на один час эфира в неделю для изложения своей позиции на одном из государственных телеканалов	69	14	17
17. Вопрос не может быть вынесен на референдум исключительно в случае, если он противоречит Конституции РФ	61	38	1

* Совершенно согласен, скорее согласен.

** Совершенно не согласен, скорее не согласен.

"курса" и, тем более, не выбор "идеологии" или принципов, а единственно существенный в наличных обстоятельствах выбор *стиля* жизни и деятельности власти, населения, да и оппозиции, т.е. *стиля* общественно-политической жизни в стране. Для характеристики современной ситуации и вариантов ее преодоления этот

термин представляется весьма важным, а потому заслуживающим особого внимания.

"Инерция стиля": компоненты и последствия. Длющийся вариант российского исторического выбора, в принципе все еще завершающего "наш" затянувшийся XX в., недостаточно рас-

смагивать на фрагментарном уровне как набор событий, акций, переживаний и т.д. Но и какой-то внутренней (да и декларативной) сверхзадачи, по постановке и реализации которой этот отрезок можно было бы оценивать, не просматривается. Главным "принципом" характерных для него политики и морали можно считать воинственную беспринципность, ориентированную на краткосрочный практический успех, даже на эффект (впечатление в глазах высшего начальства), в любой области и любой "ценой" достигаемый. Поэтому определяющим признаком этого времени и его фигурантов служит преимущественно, если не исключительно, *стиль* их деятельности. Под стилем в данном случае (применительно к политическому периоду, политической деятельности) можно понимать прежде всего характерные способы связи целевых установок и используемых для их реализации средств, критериев оценки тех и других. Наиболее очевидны в данной ситуации такие его компоненты, как сведение политики к технологии, управления к манипуляциям. Отсюда и снижение уровня социальных, политических, региональных международных проблем до административно-технологического, включая обращения к "силовым" структурам и соответствующим приемам. Условием деятельности подобной "технологизированной" схемы оказывается предельное упрощение ее компонентов — фактическая отмена конституционного разделения властей (вертикального, горизонтального, функционального, независимости суда, масс-медиа и т.д.), устранение нормативно-ценностного (морального, правового) социального контроля, подмена общезначимых норм текущими указаниями, приправленными известной долей личного произвола и пристрастий. Следствия известны — глубокий цинизм и всеохватывающая коррумпированность властных структур, разлагающие все общество¹.

Все шаги в этом направлении ни в государственных структурах, ни в населении не встретили сколько-нибудь заметного сопротивления. Однако сейчас видны опасные для власти и общества ловушки в сложившейся ситуации. Понижение уровня управления общественными процессами неизбежно приводит систему управления к деградации и внутренней нестабильности. В конце 1990-х годов "технологический"

стиль, подкрепляемый имиджем нового лидера, выигрывал в общественном мнении в сопоставлении со сложившимся образом власти советского времени и переломных лет. Сейчас явно преобладают другие сопоставления: во-первых, ретроспектива достигнутого за последние годы (уровень, глубина, устойчивость, соответствие ожиданиям), во-вторых, перспектива предстоящей смены президентского "караула". Как известно, сохранение высокого уровня одобрения деятельности президента опрошенные чаще всего объясняют не его успехами, а *безальтернативностью* его положения ("больше не на кого надеяться"). Такое распределение суждений (в сопоставлении с преобладанием негативных оценок всех иных институтов и функционеров власти) обнаруживает аномальную конструкцию властной иерархии, в которой первое лицо государства обречено на отсутствие разделения ответственности, конкуренции, опоры и — что в последнее время все явственнее выступает на передний план — "нормальной" ответственности.

Получается, что носитель верховной власти, ближе всего за последние полвека подходящей к ее авторитарной модели, больше, чем любой из его предшественников за это время, скован собственным "технологическим" окружением и навязанным собственным положением грузом заведомо неподъемных амбиций. Отсутствие средств идеологического или традиционного прикрытия вынуждает дополнять ориентацию на "технологическую" эффективность реанимацией, точнее, всего лишь *имитацией* отработанных в совершенно иных условиях (в персоналиях — от Сталина до Брежнева) моделей державного величия, непогрешимости, показной самоуверенности и столь же показного могущества власти. С удаленной наблюдательной позиции политическая сцена представляется театром масок, где исполнители главных ролей выступают в облачениях действующих лиц прошлого времени, притом, конечно, мифологизированного. Правящая административная бюрократия (от центральной администрации донизу) старается играть роль бюрократии "идеологической" (цеквской, партийной), министры — роли запуганных наркомов, прокурорские чиновники разных уровней — исполнительных энкаведешников, губернаторы — обкомовских секретарей, вотчинных "хозяев", президент федерации — всемогущего генсека. Никто из них не раскрывает свои исторические имена (за исключением одной спецслужбы, чиновники которой, должно быть, страха публичного ради любят прикрываться масками чрезвычайок давних лет). *Инерция*

¹ См.: Гудков Л. Цинизм "непереходного" общества // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 2 (76). С. 43–82.

*стиля*¹ никому успехов не сулит и показывает, что собственного лица и стиля, которого можно было бы не стыдиться, очередное бесцветное время не приобрело, как и давно искомой "динамической" стабильности, которая измеряется не экономическими показателями и не усидчивостью чиновников, а способностью к "плавной" смене исполнителей и поколенческих когорт в структурах власти без разрушающих потрясений и неожиданностей. За последние 100 лет только два периода отечественной истории ("хрущевский" и "брежневский") отметились неудачными попытками такую стабильность обеспечить. В существующей ситуации при слабости институциональных механизмов обещания соблюдать конституционные нормы укрепляют сомнения в их реальности (если и не в искренности). По всей вероятности, страну где-то около 2008 г. (возможно, конечно, на пару лет раньше или позже) ждет очередной трудный политический перелом с неоднозначными последствиями — с первоначально политкорректными обещаниями "продолжать дело..." и последующими яростными отмежеваниями от предшественника. Можно предположить, что важнейшим предметом социально-политического выбора при смене верховного "караула" в ближней перспективе (нескольких лет) станет именно *стиль* правления.

¹ "Ты весь изменился, а мыслишь как раньше... Самое страшное — это инерция стиля" (Коржавин Н. *Время дано*. М., 1992. С. 72).

На публичную поверхность вынесены два крайних варианта такого выбора — "бонапартистский" и "рутинизирующий". Первый предполагает выдвижение внесистемного лидера, способного опираться на собственную харизму, возможно, дополняя массовую поддержку опорой на некоторую особую структуру (условно говоря, "лейб-гвардию"). Необходимыми условиями реализации такого варианта является острый, публично признанный кризис власти ("Наполеоны" и "наполеончики" приходят только на развалины) и воинственно-политическая мобилизация общества. Во втором варианте допускается "законопослушная" стабилизация социально-политических механизмов при минимизации возможностей для личного произвола и, соответственно, коррупции, в том числе политической, на различных уровнях. Как известно, поклонники "мобилизационного" выбора акцентируют реальные или надуманные угрозы и опасности, адепты "рутинизации" — экономические и внешнеполитические достижения последних лет. Те и другие имеют возможность использовать различные стороны существующей ситуации и современного общественного мнения. Трудно допустить, что какой-либо из крайних вариантов назревающего политического перехода может быть осуществлен полностью и сразу. Тем более, что начинается он не с проблемы смены действующих лиц, а с проблемы коррекции стиля при неизменной расстановке персоналий.